

ЭРИКА ЛЕТРАЖЖ

ПРИНЦЕССА-МЕДОВАТЕЛЬ

Том 1

**ДЕТЕКТИВНО-ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ
ФЭНТЕЗИ
2018**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрика Легранж

Принцесса-следователь. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33319542

SelfPub; 2018

Аннотация

Для принцессы и престолонаследницы нет ничего невозможного, кроме одного – выйти замуж по любви. Но, пока такой счастливчик не попался на моем пути, вольна делать что мне вздумается. Потому что я – Франка Булонье – не привыкла сдаваться, если меня распирает от интереса, особенно, когда поступает предложение освоить полюбившийся мне предмет, а еще непостижимым образом в первый же день познакомиться с сыщиком и увязаться в опасный омут приключений. А вместе мы настолько сплоченная команда, что пройдем все невзгоды до конца, и кстати, он красив. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА 1. Принцесса в деле, маркиза – в обмороке

Первое правило настоящей принцессы: в обществе, на балах, на торжественных вечерах вести себя согласно статусу.

Правило второе: при выборе супруга придерживаться общественного положения жениха – настоящие принцессы за простолюдинов не выходят.

Правило третье: принцесса должна вести достойную жизнь, быть примером подражания (ссылается на правило 1).

Правило четвертое: принцессе не положено единолично выполнять черновую работу, если она не связана с благотворительностью – настоящие принцессы не работают.

Правило пятое: увлечения принцессы должны относиться к программе общеобразовательного развития, и никак не связаны быть со сложными науками, такие как политика и юриспруденция – настоящая принцесса должна быть немного глуповата, петь, вышивать и уж никак не постигать мужские занятия.

Эти пять правил, гравированные гербовыми знаками, закреплены были при каждой принцессе. Обычно содержимое облачалось в золотую книжечку и юная Высочество каждый вечер читала эти заповеди перед сном. Порой эта книжечка сопровождала юное дарование по дороге в элитное дамское заведение – «Институт для благородных леди». Некоторым могли подарить дощечку из настоящего золота с тисненными

буквами, покрытыми особым магическим порошком, чтобы рукописные истинны случайно не стерлись за годы пребывания юной Высочество в институтской школе. Для менее знатных мадемуазелей имелись свои книжечки воспитанных леди, и если юное дарование выходило из обедневшей семьи, то такие реликвии передавались по наследству. Оказывается, были даже принцессы из обедневших династий, рвущихся восстановить былое величие, но они страдали от тягостной нищеты рода и чад учили чуть ли не благотворительной подпиской. И не смотря на все перечисленное, «Институт для благородных леди» пользовался небывалым успехом, которого добился благодаря обучению великолепной Пьетры Булонье. Став королевой Булонии, Ее величество не забыла своих обязанностей и возглавила патронажный комитет по вопросам элитной дамской школы. Поэтому дочери маркизов и герцогов, лордов и баронов стремились поступить туда и отучиться положенный срок. А все почему, скажете вы? Да потому что там училась самая несравненная принцесса, самое уважаемое дарование пансиона – Я. Ведь эта повесть обо мне.

Разрешите представиться – Франка Булонье, единственная племянница здравствующего короля Луи-Филлипо Красивого – помазанника великих сил. Мой дядюшка возглавил Империю, а посему спокойно именовался императором Галлатийским, его королевство протянулось от Срединного моря до Титейского океана, на юге огибалось Токинским хреб-

том, отделяющим наше королевство от восточного государства Хонри, и Паланскими горами. Галлатия – страна виноградников, сыра и утонченного этикета. Поэтому именно здесь и возвели престижное учебное заведение для девушек, первое в нашем мире. Правда, немного не учли места расположения: выстроили огромный дом близ провинциального городка Маклуш, в глуши, чтоб нам не было куда совать свои любопытные носики и подаваться всевозможным искушениям. Здоровая местность способствовала дальним прогулкам; прилегающий парк раскинулся на десятки акров вокруг Института, здесь даже протекала небольшая речушка Коль, в которой водилось полно лягушек. А у нас были занятия на природе по придворному этикету: как правильно вести себя на пикнике, чтобы не уронить в глазах общества репутацию. Среди прочего были языки, немного письма, каллиграфия, основы астрономии (нам разрешалось смотреть в огромный, увеличительный телескоп, изучая созвездия) и математики, основы изысканной магии (чтоб мы могли силой пальчика перо поднять), и целительство.

Хотя последняя дисциплина не пользовалась популярностью, но наш декан – Бенедикт Гранжалье – настоял, чтобы дамы все же обучались врачевательству. Хотя девицы охотней посещали изысканную магию, чтобы играть на пианино не подымаясь с дивана, и порой от уроков целительства отказывались полностью. Я же не могла выставить себя принцессой-лентяйкой, а посему ходила на все занятия и даже

на факультативы, хотя таким рвением доказала обществу, что в некотором смысле не являюсь настоящей и утонченной принцессой. Хотя утонченной перестала быть, когда посеяла свою памятную досточку с золотым теснением пяти правил – вот уж горе какое, особенно, когда это обнаружилось месяца через два, но было поздно бросаться на поиски. А когда удостоилась чести быть не утонченной и не образчиком принцессы, то неожиданно для себя полюбила целительство.

Его вел наш декан – бородатый мужчина в летах, но очень умный и начитанный. На первом уроке заинтересовалась ботаникой, потом было изучение живых существ. И даже кипа нудной литературы не испугала меня, я дала себе зарок стать преуспевающей по целительству. Хотя подобное было вовсе не трудно, остальные этот предмет обходили стороной, но ровно до того момента, пока принцесса Булонье не стала там постоянной обывательницей. К моему сожалению и радости нашего декана, многие аристократические семейства настояли на том, чтобы их чада посещали сию нужную науку. Жаль, что только нас двое увидело с каким видом родовитые дарования заходили в наш класс-препараторскую. Старшая дочь маркиза Семеньяка и юная графиня Люфье скривились, увидев возле меня разрезанную луковицу, но сели рядышком. Я тоже поначалу плакала горькими слезами, нарезаю кольцами противный овощ, но когда взглянула на него через увеличительное стекло, как-то позабыла про все те жертвы, что принесла ранее. Но для некоторых девушек, это были не просто

жертвы, а целые жертвоприношения, поскольку они ревели и их носики становились похожими на картошку.

Вспоминаю наш первый урок, когда десять учениц постигали основы ботаники, изучая все на практике, сколько было слез и причитаний. Графиня Люфье жаловалась на удушье, будущая графиня Лемож причитала над раненым пальчиком, костыля декана самыми нелицеприятными эпитетами, правда, немного украсив их изящными оборотами. Состояние мужчины из благожелательного превратилось в измученное, а потом и вовсе в изнеможенное. Кажется, в какой-то момент он пожалел о том рвении, которое проявил ранее. Но со временем, декан терпеливей выдерживал истерики некоторых учениц, отдать должное его воспитанию и терпению. Подозреваю, что по вечерам он выпивал немало успокоительных капель, курил трубку и читал трактаты целителя доктора Джонсона, относительно пользы врачевания молодым барышням. Я даже сжалилась над моим бедным учителем и с первой почтой отправила голубем послание матушке, чтобы та преподнесла в качестве подарка три бутылки настоящего Булонского вина сладких сортов. Мы такое с детства пили маленькими глотками и причащались этим же вином, поэтому я была уверена, что крепкий напиток будет господину Гранжалю только в пользу. Матушка написала мне, что не поощряет пьянство в «Институте благородных девиц», но подарок прислала. После этого декан ходил немного веселее, подозреваю, что вино он употреблял на зав-

трак и перед нашими уроками.

А я продолжала учиться, и те два года, что полагались дамам для получения нужных знаний, протекли быстрее, чем мы предполагали, жалуясь на жестокую судьбу в первый день нашего прибытия. На следующий год мы посмеивались над такими же измученными и несчастными девицами, которые плакались, что им приходится доверять свой туалет служанке, которая обслуживает сразу двух, а то и трех девочек. Поначалу это казалось кощунственным, даже некоторые матроны были возмущены, но суровые правила нашего «Института благородных девиц» предполагали ограничение прислуги (всех служанок бы просто не разместили в одном доме, да еще и на чердачном этаже). И я поначалу была такой же несчастной и брошенной девицей, но быстро свыклась с новыми условиями и даже получала от того некоторое удовольствие, поскольку мы меньше сидели в четырех стенах и больше осуществляли прогулок по свежему воздуху. Мадам Кьен постоянно утверждала, что воздух полезен для кожи и выгоняла нас на луга и полянки. Там мы устраивали пикники, сами выращивали цветы и читали поэзию. Наша преподавательница и наставница была романтической и утонченной особой, а посему ее часто доводили до слез родовитые девицы, которые не переставали жаловаться то на духоту, то на холод. Но я никогда не высказывала нашей мадам Кьен, что она в чем-то не права, поскольку любила прогулки (признаюсь, моей мечтою были конные поездки, нам разрешали катать-

ся на пони, а я все мечтала обуздать настоящего скакуна). Прогулки в саду мне понравились, да и пикники на природе тоже. Мою свиту составляла неотлучная маркиза Семеньяк и графиня Люфье, хотя у меня язык не поворачивается называть этих девушек подругами. Просто они решили, что полезное знакомство с принцессой им не помешает. А потому я наблюдала их день ото дня и даже свыклась с подобной компанией.

Наша женская община гудела, как пчелиный улей, особенно когда на зимних каникулах устроили настоящий светский бал, который посещали молодые офицеры и ученики престижных заведений. Всех сыновей из благородных семейств надлежало чему-то обучать, так распорядился мой дядюшка – император Галлатийский. Вот они и обучались на такой же манер, как и мы. Основным экзаменом для всех был этикет и потому такие балы давали преимущественную пользу всем, особенно неусыпным учителям, которые внимательно смотрели, как их подопечные ведут себя в обществе, особенно во время танцев. Танцевать красиво – сложная наука, мы обучаемся ей с того момента, как начинаем твердо стоять на ножках. Девочкам и мальчикам четырех-пяти лет надлежит занять учителя по танцам, но даже такая муштра не всегда приносит пользу, поскольку светские мероприятия очень сложны, имеют полно подводных камней, которые мы постигаем в учебных заведениях. Для меня, как для принцессы, особенно показательными были такие вот выходы в свет.

Матушка пожаловала на первый бал, чтобы лично взглянуть на свою доченьку, я старалась, как могла. Танцевала, пока пальцы не онемели в узких туфельках, а потом вела светскую беседу с каким-то там сыном посла о внешней политике нашего государства. А потом разговаривала на двух иностранных языках с принцами из соседних держав. К полуночи, я едва дошла до комнаты и упала в своем наряде на кровать, не имея сил ни подняться, ни позвать служанку. А потом еще три дня едва ходила и хромала от того, что каждое движение мне давалось с трудом. Летний бал был не таким масштабным, но я на него не попала вовсе – объелась земляники и прохворала. Матушка была недовольна тем, что ее дочь прогуляла важное мероприятие, а я была рада, что легко отделалась от длительных пыток (с этого дня мне открылась истина настоящей пансионерки, что я могу устроить свое обучение исключительно по собственному усмотрению).

Маркиза Семеньяк хотела посидеть со мной, но я уговорила ее пойти на торжественный прием, а потом мне все в подробностях пересказать. После бала, Кэмилла заявила ко мне уставшая, но счастливая – под конец торжества ей сделали официальное предложение и вообще, в тот день она стала невестой какого-то там сына барона. Я ей пожелала всяческих благ, посмеиваясь над незадачливой наперсницей, а сама вскоре излечилась от противного недуга, воспользовавшись ценнейшими советами декана. Один из них гласил – если вы объелись незрелыми или порченными фруктами,

немедленно съешьте уголек, запивая его стаканом воды, собственно, так я и поступила. Полезные советы по ботанике сгодились в повседневной жизни.

После балов полагалось несколько дней отдыхать, а вот мне это время показалось удобным для повторения изученных дисциплин. Декан рад был проводить со мной больше времени, восполняя все отставания и пробелы личными беседами. Я была его любимицей и лучшей ученицей по целительству. Но не так хорошо мне давались другие дисциплины. К примеру, по теории этикета я едва не получила худшую оценку. Проучившись первое полугодие в «Институте для благородных леди», поняла, что мне до чертиков надоели открытые уроки по этикету. Я прошла боевой курс настоящей леди от А до Я, но при выпуске из сего славного заведения, моя преподавательница – мадам Буфало – выдала мне диплом со словами: «Очень хорошо, что вы стали выпускницей. Другой бы девице я обязательно сказала, что она бестолочь и никогда настоящей леди ей не стать, но вам такого сказать не могу, прощайте...»

Только наше прощание свершилось после того, как на следующую зиму, в последний год обучения, я буквально завалила бал, потеряла свою многострадальную досточку, сумела сбежать из Института на ярмарку и вообще, нарушила добрых шесть правил поведения настоящей леди. Матушка писала мне еженедельно, получая жалобные письма от преподавателей, грозилась забрать из заведения и выдать замуж. А

я ей писала, что нечего меня пугать замужеством, поскольку я ведь могу натворить бед для всей империи, устраивая светские скандалы. Последний год был для меня тяжелым, но это на фоне того, что я на отлично тянула курс целительства и блестяще сдавала любые самостоятельные работы. Экзамены были только в радость, тогда как для других девиц становились настоящим испытанием. Наш декан верил в меня, даже, несмотря на жалобы мадам Буфало, и даже ректора – его старшего брата.

Последним экзаменом мне надлежало сдавать целительство, все остальные науки были более-менее пройдены и даже по этикету я вытянула посильный бал, но после того высказала своей преподавательнице все то, что нелицеприятно упоминать настоящей леди. Мадам Буфало скривилась, как перезревший овощ, и жестом указала мне на выход. Теперь же я шла уверенно, тогда, как моя свита, состоящая в этот раз из десяти самых блестящих девиц сего заведения, семенила позади. Мы были выпускницами, нам надлежало через несколько дней распрощаться с учебным заведением, а, поэтому, многие уже несколько устали сдавать экзамены, писать корреспонденцию родным и женихам. Да-да, не только маркизе Семеньяк посчастливилось обручиться, как-то накануне я вообще была поражена тем, что почти все девушки обручены (все, кроме одной, и этой одной девицей является ваша несравненная авторесса сего опуса – принцесса Франка Булонье). И ко дню святого Феодора Тарийского, кото-

рый у нас во второе воскресенье сентября, выпускницы благородного заведения распрощаются со статусом незамужних девиц. Только об этом и разговаривали, будто на свете нет больше разумных тем, чем обсуждение приданного, женихов, их поместий и земель, и статусов их жен. Я же воздерживалась от любого вмешательства в их скучные беседы, у меня жениха не было, кто каков и по чем стоит, меня не интересовало.

Тихо скрипнула классная дверь, я вошла первой. Декан уже ожидал нашего появления, он ободряюще мне улыбнулся, будто знал, что я прибуду самой первой. Но мне надлежало дожидаться остальных. На каждой парте стоял серебряный поднос, накрытый крышкой – это был наш финальный экзамен, мосье Бенедикт Гранжалье основательно к нему подготовился, а для меня это стало сюрпризом. Так и хотелось туда заглянуть, но я сложила руки перед собой и с самым невинным взглядом уставилась на нашего преподавателя. Он пожелал мне удачи, а дальше вошли остальные институтки, и расселись по своим местам.

– Ну что, мои дорогие ученицы, это будет нашим завершающим уроком перед вашим выпускным балом, где мы в последний раз увидимся и распрощаемся, думается мне, эдак лет на семнадцать-двадцать, – он сказал это спокойно, но с некоторой горечью, видно было, что для впечатлительного декана любое прощание дается тяжело. Я особо чувствовала это, поскольку эти годы мы неплохо ладили, и когда еще бы

он рассказывал о том, что дочь Пьетры Булонье была его самой выдающейся ученицей.

– А теперь, чтоб не терять времени, отодвиньте крышки и увидите свои задания, – он перевернул песчаные часы, отсчитывающие время, а мы, наконец, имели возможность заглянуть под крышку. Для многих подобный сюрприз стал не то что сюрпризом – а самым настоящим ночным кошмаром. Оказывается, под крышками лежали едва живые существа – крысы, лягушки, бобры, ласки. В общем, мелкие млекопитающие и пресмыкающиеся были нашим заданием: их требовалось излечить от недугов, они едва дышали, а некоторые судорожно подергивались. Подозреваю, что декан специально ввел их в такое состояние с помощью магии или ядов, которые мы проходили на последних занятиях.

Мне досталась крыса. Ужас. Мне досталась крыса, а я боюсь грызунов, с каким же омерзением я смотрела на это животное, хотела было отказаться от экзамена, но потом посмотрела на декана, он ожидал подобной реакции:

– Понимаете, сейчас вы видите перед собой животное, которое принято считать омерзительным. Но если вы преодолеете свое предубеждение, то сможете в будущем помогать беднякам, которых порой не считают за людей. Многие из вас выйдут замуж и будут, ради развлечения, заниматься благотворительностью, так вот, я предоставляю возможность уже сейчас показать свое мастерство.

Я рассуждала над словами декана, в какой-то мере он был

прав, мы пренебрежительно относимся к нищим, посмеиваясь над их горестями. Если сейчас излечу крысу, то смогу помочь и противному попрошайке или вдове с замурзанными детишками. Итак, я размяла пальчики и принялась осматривать парализованное животное.

А в это время маркиза Семеньяк, она же Кэмилла, была девицей благородной, но слишком утонченной. Ей досталась жаба. С самого начала она отворачивалась и прижимала к лицу платочек, но видно, что ей действительно подурнело. Она в мгновение побледнела и тут же лишилась чувств. Я едва успела обернуться и заметить, что декан вовремя подхватил обморочную девицу и потащил ее в лазарет. Остальные пансионерки тут же стали громогласно возмущаться. Юная графиня Люфье, которой досталась ободранная уличная кошка, захлопнула крышку и отодвинула от себя. Она не перешагнула через свое предубеждение, как я:

– И как это называть? Что за издевательство?! Мосье Гранжалье желает, чтобы мы все слегли перед выпускным балом. Я в жизни не прикоснусь к этой ободранной кошке, что уж говорить за Кэмиллу, ее жаба – самое отвратительное животное, которое мне доводилось видеть, лучше получить колл по этому предмету, чем потакать причудам старого и выжившего из ума профессора, – ее поддерживали почти все (кажется, я осталась в меньшинстве, но не в пролете).

– Зачем вы тогда шли на целительство?! – не выдержала я, вставая на сторону любимого преподавателя. Поднялась

со своего места и подошла к рабочему столу декана, уперев руки в боки, таким образом, оказавшись в центре учебной комнаты. – Вас же никто насильно не тянул сюда, продолжали бы посещать свою изысканную магию, а не кривиться сейчас и падать в обмороки.

– Потому что, нам приказали это сделать родители, – подхватил кто-то из толпы. – Если уж принцесса Булонье посещает целительство, значит, это престижно.

– Я понимаю, что вы все придерживаетесь мнений своих родителей, но прежде всего, надобно головой думать, пригодиться ли вам этот предмет в жизни. Я буду и дальше практиковаться, даже если матушка этого не одобрит, а вот вам оно зачем?

Многие призадумались, умом понимая, что слишком рьяно выполняли пожелания родителей и теперь должны сидеть здесь и сдерживать свои естественные позывы. Я села на свое место, и после этого мне уже было не противно прикасаться к крысе, потому что я только что защитила все теории нашего декана, какими бы сумасбродными они не показались вначале. Остальные выпускницы за мной наблюдали, а я осторожно взяла крысу обеими руками, осмотрела ее недуг и пришла к выводу, что у нее «булонная лихорадка». Это не совсем болезнь, скорее, ей впрыснули сок булоны – сон-травы, которая к тому же может повышать температуру тела. Вот бедное животное и мучится, не имея возможности получить противоядие.

Верно, наш декан задал нам сложную и, одновременно, простую загадку – как избавить животное от происков этой отравы. Она была легкой и не могла причинить значительный вред, но для экзамена хватит и того, чтобы мы задумались над тем, что же нам предпринять. Думается мне, для предотвращения действия ядов надобно бедному животному промыть желудок, а потом напоить чем-то возбуждающим, чтобы оно смогло прийти в себя.

Я осмотрелась на предложенные мне различные настойки и бинты, при этом старалась не смотреть по сторонам, и не подсказывать остальным. У кого есть своя голова на плечах, те сдадут этот экзамен. Но в классной комнате было тихо, никто не пытался кричать или подымать бунт. Когда мосье Гранжалье вернулся, мы все что-то делали, декан довольно уселся на прежнее место, с леди Семеньяк ему пришлось поговорить некоторое время, подозреваю, что она будет сдавать факультативы в теории. Я же была настроена сдать практику и блестяще.

Первым делом приготовила раствор, залила его в крысу, та сжалась в легкой судороге, со рта полилась мутноватая и вонючая жидкость. Значит, мне удалось обезвредить дальнейшее действие булон-травы. А потом я приготовила еще один раствор, подлила туда капельку кофейного напитка и опять залила крысе. Оставалось ждать несколько минут, пока животное пришло в себя. И как только моя подопечная встала на лапки и могла уже двигаться, я мгновенно прикры-

ла ее крышкой. Мосье Гранжалье оказался подле меня, он осмотрел крысу, пощупал ее живот и остался доволен тем, что я сдала экзамен блестяще и первой. С остальными ему пришлось повозиться, мы же распрощались с ним быстро. Напоследок он пожал мне руку и проронил скупую, мужскую слезу:

– Ваше высочество, мне приятно было осознавать, что вы стали первой моей ученицей и не только на словах, но и на деле. Желаю вам всех благ в будущем и, пожалуйста, не бросайте начатое. Не знаю как, но я хочу, чтобы вы попытались пройти практику, это будет полезно, так вы столкнетесь с реальными задачами целителей и врачей.

– Благодарю вас, я бы с радостью прошла практику, правда пока не представляю, как это возможно. Вы же прекрасно понимаете, что принцессам негоже ходить по больницам.

– Понимаю и подумаю над этой задачей. Всего хорошего, встретимся на выпускном балу, – я постаралась как можно изящней присесть в реверансе, он же поклонился мне в ответ. В моей грамоте, выдаваемой пансионеркам, в графе «Целительство» значилось – Блестяще.

Уже в своей комнате я размышляла над тем, что преодолела страх и предубеждения и взяла крысу в руки. Правда потом их долго отмывала, но все же не свалилась в обморок, как сделала это Кэмилла и не паниковала, как ее наперсница – графиня Люфье. Я просто взяла и оживила крысу, противного помойного грызуна. Мне действительно следует по-

думать над тем, чтобы продолжить практику. И целую ночь мне снились больницы, больные и запах лекарственных трав. А я была одета в просто платье, белый передник и нарукавники, я ухаживала за больными, обмывала их и готовила лекарства. И самое главное, рука моя ни разу не дрогнула. Этот сон потом оставался в памяти до самого бала, когда мы уже паковали свои вещи, готовили наряды и украшения. Увы, на этот раз я вынуждена буду присутствовать на выпускном вечере. Правда матушка написала мне, что не сможет посетить свое чадо, у нее было какое-то очень важное собрание. Пьетра Булонье была всегда востребованной и занятой женщиной, к тому же она побывала на всех предыдущих балах и была мной откровенно разочарована. А в этот раз решила не приезжать. Если вы думаете, что великолепная Франка Булонье разочаровалась, то будете очень сильно удивлены. Наоборот, я была вправе делать то, что хочу и разговаривать не с теми, на кого укажет родительница, а кто мне интересен.

Все же, стоит в двух словах упомянуть о таком важном и памятном дне, как мой выпускной вечер в «Институте для благородных леди». Пока что тут обучаются только отпрыски знатнейших семейств, но может когда-то подобное будет доступно и другим девочкам. И может быть, особняк потихоньку обустраивают и побольше прислуги наймут, потому что бедная Элен прислуживала сразу нам троим, а всем хотелось выглядеть прелестно. Матушка прислала мне великолепное платье из тончайшего шелка, оно разлеталось, как крылья

бабочки. А по краям оно было расшито кружевом с нашим родовым гербом – Булонье. А еще мне Элен сделала высокую прическу, украсила ее десятком золотых заколок, и я была похожа на фарфоровую куколку, которая стояла под стеклом в рабочем кабинете матушки, пока я все же до нее не добралась и не разбила. Но до того, она радовала всем взор.

– Леди, вы выглядите просто великолепно, – произнесла служанка, но второй колокольчик ее отвлек, и я осталась в комнате одна, хлопая ресницами и раздумывая, что в жизни не являюсь таким вот образчиком элегантности и утонченности.

Дальше мы спустились в наш музыкальный класс, который теперь превратили в нарядную танцевальную комнату. Нас выпускалось одиннадцать пансионеров, но в зале могли присутствовать и другие ученицы, вместе со своими родными. К каждой из девушек кто-то да приехал, а мне матушка вот написала, что они с отцом не могут меня навестить. Получается, принцесса Булонье будет без сопровождающих. Пока что, подобная халатность со стороны моих родных не увязывалась в моем сознании. Учителя, кажется, тоже об этом не догадывались, иначе они бы что-то предприняли, но я ничего не говорила, и королева Пьетра не прислала ректору Гранжалье ни единой весточки. Подозреваю, что после нашей былой переписки она слегка обиделась и решила меня проучить. Я же пока не придавала этому значения, наблюдала за остальными и пришла к выводу, что порой наши род-

ные очень навязчиво устраивают наши судьбы, не давая возможности общаться в свое удовольствие. Особенно, когда в зале появились молодые кавалеры. Сыновья и родственники знатных семейств имели возможность сегодня насладиться балом. И даже мои обрученные напарницы живо обсуждали рослого капитана – третьего сына маркиза Деборжерака, который подкручивал свои смольные усы. Кэмилла уже отошла после обморока и теперь глупо хихикала, прикрывшись веером, когда они с Амиль Люфье им тайно любовались. Хотя, как по мне, этот фронт был сильно напомажен, его гладкие и блестящие волосы больше походили на лакированный парик, но девушки отмечали его достоинства: выразительность взгляда, открытый лоб и военную выправку.

Ко мне пришли засвидетельствовать почтение сын маркиза Гонри, и еще три его друга. Я всем улыбнулась, поклонилась и отвернулась, как-то не вязалась с ними светская беседа. Они не стали долго скучать и переключились на иностранную принцессу Кунни (эта девица взяла за правило незаметно следовать за мной, словно подглядывала и подслушивала). Как-то мы столкнулись в коридоре, и я прямо сказала ей держаться от меня подальше, она покраснела и сбегала к себе. Кэмилла не раз упоминала о том, что эта дуреха из обедневшего рода, который всяческими путями стремится вернуть былое величие. У нее не было такого нарядного платья: ее сари выглядело чересчур национальным и слегка поношенным, а еще она не могла позволить себе никаких

украшений, кроме серебряных браслетов и коралловых бус. Но эта девица старалась изо всех сил произвести на молодых кавалеров приятное впечатление, болтала без умолку, глупо хихикала и почти не выдавала своего акцента. А я оставалась одиноким деревцем среди леса гостей, но это было до того времени, пока ко мне не подошел декан. Вот его я была рада увидеть, мосье Гранжалье надел свой парик, наострил усы и красиво приделся. А еще он с прищуром на меня посматривал, верно, что-то уже задумал и улучил минутку со мной пересечься. Мы с ним чинно поклонились, но я не изображала из себя неискушенную и застенчивую пансионерку, смотрела на бывшего преподавателя открыто и доброжелательно

– Мадемуазель, у меня есть для вас кое-что полезное, – тихо молвил декан, опасаясь, чтобы нас не услышали, он не зря опасался. Всего в десяти шагах стоял его старший брат – наш ректор Пьер Гранжалье – и разговаривал с мадам Буфало, моей самой нелюбимой преподавательницей. Хотя многие были от нее в восторге, и многим она написала вензельные грамоты собственноручно, я же была лишена этой чести, хотя хитрый ректор специально для принцессы заказал красивую грамоту, выделяющуюся среди прочих.

– Я вас слушаю, – так же тихо ответила я.

– Я раздумывал над вашими словами, относительно того, где вы можете пройти практику, чтобы вам не досаждали другие люди. Больницы и госпитали не подойдут монаршей дочери, ваша матушка и покровительница нашего Институ-

та придет в ужас от того, что я отправил вас куда-то, среди больных и немощных. Но это не касается морга при участке внутренней полиции. Там вам не будут досаждают. Практикантам не показывают трупов, не бойтесь, а вот записи реальных вскрытий в архивах полно. Тем более, там изучают еще и редкие растения, и всякие магические артефакты. Так что люди зря обходят морг стороной, он не так противен, как кажется. А еще у меня там есть связи, которые помогут вам обустроиться.

Я задумалась, в принципе, мне будет интересно посмотреть, что творится в этих самых заведениях. Если мне не потребуется личного присутствия при вскрытии в качестве практиканта, но со стороны посмотреть на внутренности было бы даже интересно. Участок внутренней полиции? Где реально ловят преступников и вообще, там проводят разного рода расследования, поэтому я смогу приобщиться еще к загадочным историям, почему бы не попробовать. К примеру, прочту в архивах старые дела про злодеев. А еще там должна быть библиотека с собранием нужной литературы. На моем лице расцвела улыбка, декан только этого и ожидал, он не боялся получить отказ и тихонько подсунул мне письмо. Я взяла обычный сверток, осмотрела его, но тут мой преподаватель меня предостерег, приложив палец к губам:

– Вы только спрячьте его и никому не показывайте. Понимаете, наше с вами увлечение не разделяет мой брат и мадам Буфало, не хватало еще, чтобы она написала вашей матушке.

– Хорошо, никто не узнает, что мы с вами об этом разговаривали, – декан выглядел, словно провинившийся щенок, поглядывая на старшего брата. Но ведь матушка обязательно спросится, где я раздобыла это приглашение, потому то-ропливо добавила, – впрочем, я постараюсь смягчить гнев королевы Пьетры, когда доходчиво объясню, как важно мне подкрепить теорию практикой. Не думаю, что она станет на вас гневаться.

– Благодарю вас, ваше высочество, это было очень серьезным решением, но одно понимание того, что вы запустите свой талант бездельем, приводила меня в ужас. А ведь у вас расположенность к разного рода врачевательству, и даже интерес к истокам болезней.

К нам подошли и другие пансионерки, и мы перешли на более светскую беседу о книгах, природе и нашей недолгой учебе. Некоторые девицы даже рады были поскорее вырваться на свободу, их тут слишком уж обуздывали, ущемляли (между нами говоря, за ними приглядывали и не давали совершать всяких глупостей). Но мне на миг даже стало тоскливо, я провела два года в очень гостеприимном и познавательном заведении, где меня научили не только этикету, но и основам учений. А потом представила, как мадам Буфало будет лопаться от стыда, когда о принцессе Булонье будут отзывать, как о самой невоспитанной принцессе, а ведь мне легче сказать, что меня плохо научили, чем ей оправдаться, что я вовсе не хотела ничему учиться. Все же, в моем поло-

жении были некоторые выгоды.

Я думала, что бал закончится для меня на такой же легкой ноте. Но ошиблась. Пусть и с опозданием, но заиграли триумфальные трубы, извещающие, что к крыльцу нашего заведения подъехала карета монарха или же его близкой семьи. Видно, матушка в последний момент передумала и прибыла ко мне. Но я очень глубоко ошибалась, потому что матушка не передумала, но об этом я узнала намного позже. А прежде все усталились на дверь, в которую вбежал наш церемониальный дворецкий и известил о прибытии наследного принца Фредерикко-Марселя Галлатийского – старшего сына моего дядюшки, проще сказать – моего двоюродного кузена Фредди. И с чего бы вдруг такой интерес наследного принца к нашему выпускному балу? Я понимаю, что тут собрались очень высокородные девицы на выданье, а наш кронпринц (ко всеобщему удивлению, невестой еще не обзавелся, что в последнее время наталкивало меня на не самые приятные мысли о том, кого же ему пророчили этой самой невестой) был молод и свободен, и потому приехал развлечься на балу и присмотреть себе «даму сердца». Сколько себя помню, я знала Фредди еще с малых лет, он всегда кичился своим происхождением, все ожидал того момента, когда взойдет на престол. Ведь королю не обязательно было умирать, он мог передать власть сыну, когда тот повзрослеет и остепенится. Подозреваю, что последней добродетелью мой кузен не обзавелся. Матушка как-то упомянула о том,

что ему на пользу пойдет женитьба на достойной девице, которая обуздает его порывы и будет верной спутницей (тогда они уж точно просчитались со спутницей жизни, если они намереваются меня привязать к этому самодовольному наглецу, чтобы я его урезонивала, как делала это в детстве, то очень ошибаются, я сама могу наделать много шума). Но пока рано было бить в колокола тревогу, поскольку официально и не официально о нашей помолвке не заикались, а посему, я невинно строила глазки своему кузену, который сделав легкий кивок обществу, направился ко мне.

Видно, мой наряд слишком выделялся среди прочих. Декан напоследок кинул на меня тревожный взгляд, а я спрятала злополучный свиток в тайный карман своего наряда. Девушкам просто необходимы такие вот карманы, в них можно положить носовой платок и любую деликатную принадлежность. К сожалению, наручный кошелек был выполнен из тонкого кружева и там все просвечивалось. Поэтому я все прятала в оборках платья.

Мой кузен подошел ко мне и чинно поклонился, как и надлежит среди монаршей семьи, я тоже сделала реверанс. Но это на людях мы играли свои роли, встретившись наедине, я бы дернула его за нос, а он меня за локон. Мы еще с детства так здоровались, и детская привычка переросла во взрослые отношения. Я не говорю о моем кузене плохо, Фредди не лишен был некоторых достоинств. Он являлся образчиком мужской красоты и элегантности, и дамы поза-

ди меня лишь тихо вздыхали, особенно иностранная принцесса Кунни. Я забыла упомянуть, что она мулатка: темнокожая, черноглазая, черноволосая, со смешными завитушками на висках и затылке. Если бы ей пророчили такого жениха, она бы уже вероятней всего заказывала себе свадебное платье. Но он подошел ко мне и видел лишь меня (мои плохие предчувствия начали потихоньку оправдываться, подозреваю, что принц не от скуки сюда прибыл).

– Ваша матушка – достопочтенная королева Пьетра Булонье – передает вам сердечный привет, но очень огорчена, что не может прибыть сюда лично, поэтому она отослала мне лично записку сопровождать вас на выпускном балу.

Я другого и не ожидала от матушки, как-то ненавязчиво она подталкивает ко мне Фредерикко, подозреваю, что он уже в курсе их заговора и может даже принимает в этом сильное участие. Но что ему даст такая скорая женитьба? В двадцать лет надобно еще наслаждаться свободой, а он так рьяно лезет в ярмо женатого человека. Видно, тут все дело в престоле. Ох, эти взрослые интриги лишают нас тех наслаждений, которые подарит юность.

– Я очень рада вас видеть, ваше Высочество, мне тоже жаль, что королева Пьетра не прибыла ко мне на бал, но я рада быть под вашим неусыпным присмотром.

Мы обменялись церемониальными приветствиями. Он предложил мне руку и таким образом, могли пообщаться наедине. Ну что же, кузен, узнаем почем сейчас принцы. Я по-

жаловалась на духоту и меня вежливо подвели поближе к приоткрытому окну. Там бы нас не смогли подслушать, зато я сразу же сменила маску благожелательности:

– Ну и что они задумали, милый кузен? – решила задавать вопросы в лоб, чтобы противнику оставалось меньше места для маневров. Тактическое отступление недопустимо.

– В каком смысле, Франка я просто приехал тебя проводить?

– Да ну что ты, ты прям ожидал того, чтобы я побыстрее закончила Институт и мечтал меня навестит на балу. Фредди, мы с тобой не один день знакомы для такого...

– Меня попросила твоя матушка, она занята благотворительностью, у них сегодня важный съезд, а я приехал взамен твоих родителей. Только не говори, что ты не рада меня видеть, прошло два года, ты никогда не выбиралась в столицу, и мы не виделись.

– Фредди, но и ты не в монастыре проживаешь. Коль за два года тебе не было надобности ко мне приезжать, значит, ты за мной не скучал, а тут вдруг такая родственная любовь тебя настигла. Так что там наши родители задумали, может, ответишь на чистоту?

– Без понятия, я только в курсе того, что отец мне рекомендовал тебя навестить сегодня и все, – одна невинность во взгляде, не прикопаешься. Мне оставалось отступить.

– Кузина, давай сегодня потанцуем, развлечемся. А потом разъедемся по своим дворцам и будем иногда встречаться на

торжественных приемах, – зубоскалит так искренне, готова поверить в его полнейшую невинность или неосведомленность.

– Хорошо, потанцуем, а потом разойдемся, как самые лучшие приятели.

– Договорились, а потом ты моему отцу напиши, как я был вежлив и внимателен к тебе, и что проводил время с пользой и не флиртовал с другими девицами.

– Неужели нашего наследного принца держат на таком коротком поводке?

– Ты себе даже не представляешь, на каком поводке. Мои родители меня каждый день испытывают, это ты тут наслаждалась свободой и вольготной жизнью, а мои занятия куда сложнее – по шесть часов занятий науками, остальные часы – военная подготовка.

– Только не говори, что ты с ног валишься, – не удержалась от едкого замечания.

– Уже все мозоли в кровь стер, – пошутил он, а потом началось время танцев.

Фредерикко тут же пригласил меня на первый танец. Я кружилась с ним в паре и замечала взгляды остальных выпускниц. Мне откровенно завидовали, потому что моим кузеном был не абы кто, а кронпринц Фредерикко, дядюшка был императором Галлатийским, а я свободной принцессой Булонье, проживающей в богатой провинции Галлатии. Так получилось, что мой дед и бабка расстались, то был громкий

развод. И после него бабушке – маркизе Каталине Булонской – достались земли у реки Марэ. Новый политический брак не принес детей, поэтому эти земли, а именно провинцию Булонье, она завещала дочери. Мы были государством в государстве. Луи-Филлипо и Пьетра были достаточно разумными, чтобы не ссориться и не создавать лишних политических волнений. Мы платили определенную дань Галлатии, но в некотором смысле были независимы. К примеру, мой отец принц-консорт при королеве Пьетре, а наследую провинцию Булонье и титул я, а не он или его дети от второго брака. Правда, мои родители жили душа в душу, поэтому как-то не вязался в моих мыслях образ отца, женившегося повторно.

Старалась быть очень аккуратной, на ногу ему наступила от силы пару раз. Хотя он при этом морщился, но отмалчивался. Все же, у нас были разные учителя по этикету. Скажу по правде, получила некоторое удовольствие от нашего с ним общения. За два года, что я его не видела, с ним произошли некоторые изменения. Во всяком случае, на людях он казался очень милым и внимательным кавалером, но мы ведь давно знакомы, я не верю в такие метаморфозы с тем напыщенным юнцом, который налево и направо в столице Ганжан бахвалился своим положением. Его брат Марсель был куда тише, но ему тогда минуло едва восемь лет, еще не успел перенять у старшего брата лоск и самомнение. С сестрой Фредди мы общались мало, принцесса Франсуаза вышла замуж уж восемь лет как, и проживала в огромном восточ-

ном государстве, до которого далеко добираться. А до того мы с ней не были близки. Вот поэтому из всех моих кузенов и кузин, я больше общалась с Фредерикко и видела его истинным. Что ж, теперь моя относительная свобода даст наблюдать за любимым кузеном, и в случае тайного заговора наших родителей, я буду иметь неопровержимые доказательства его испорченности.

Танец закончился, я уже была слегка вымотана, мои ноги в балетках онемели, потому что, матушка всегда заказывала очень неудобную обувь, жаль, что ее дочь топала как слоник, а не порхала как бабочка. Пришло время представить кронпринца и другим моим однокашницам, нечего ему весь вечер меня развлекать. Тем более, что Фредди оценил некоторых вертушек, а с меня еще раньше содрал обещание написать отцу, какой он паинька. Мы подошли к маркизе Кэмилле и Амиль, я почитала, раз они уже обручены, то ни ему, ни этим двум кокеткам никакая опасность не угрожает. Хотя по дороге мельком увидела преданные глаза принцессы Кунни, видно, что она не обручена, поэтому ее я кузену представлять не буду, не хватало нам еще политических разногласий с другим государством.

– Дорогой кузен, разреши тебе представить маркизу Кэмиллу Семеньяк, которая в этом году будет счастлива вступить в брак с бароном Навварро и Амиль Люфье, которая еще с детства помолвлена с графом Коррэ.

Мой кузен улыбнулся, когда я не только представила ему

красивых пустышек, но и указала их женихов. Девицы были менее радостны, потому что им немного поубавили свободы, так открыто они не смогут с ним флиртовать, поскольку кронпринц знаком с обоими женихами моих однокашниц. А я посчитала себя свободной от дальнейших обязательств, когда молодые люди обменялись приветствиями. Теперь могла спокойно отойти в сторонку и присесть на стульчик, а если удастся – украдкой прочесть то послание, что мне передал декан. Уже представляю себе, скромное помещение, примыкающее к городской полиции, по соседству склад, где помещают всякие вещественные доказательства, а я сижу и читаю архивы. Но, перед осуществлением моей заветной мечты, осталось маленькое такое препятствие (крохотное, но весомое) – истерика моей матери относительно того, что я опущусь так низко, чтобы пойти добровольно практиковаться в городской морг. Как бы матушка потом не оказалась в том заведении в качестве материала для опытов. Нет, думаю, ее здоровья хватит на то, чтобы это принять и разрешить мне практиковаться.

Вскоре танцевальный вечер закончился, мой кузен потанцевал с самыми прелестными девицами, еще раз напомнил об обещании и уехал. А я рассталась с Институтом благородных леди уже на следующий день, ближе к полудню, когда подали мой экипаж и все перевязанные чемоданы туда поместили. Их было уже семь – я забрала приобретенные книги, не желая их оставлять, ну и новые платья пришлось забрать.

Правда с десяток я все же подарила, той же принцессе Кунни досталось целых три, которых я от силы по разу одевала. Но она была мне благодарна, видно, что ее так не баловали. А еще я подарила некоторые свои украшения на память о себе и была довольна произведенным фурором. Не сомневаюсь, что уже в этом году матушка пожелает отвести меня в модные лавки столицы, к чему мне оставлять при себе старые заколки и цепочки. А если я отправлюсь на практику то и десятую долю с собой не возьму моих нарядов, потому что должна выглядеть не как принцесса, а как обычная пансионерка. Меня вышел провожать наш ректор Пьер Гранжалье, его брат опасливо находился позади, когда важный седовласый мужчина желал принцессе Булонье всяких благ и выражал надежду, что их скромное учреждение не лишится покровительства Пьетры, а может даже займет такого же благожелателя в моем лице. Я улыбнулась и выразила искреннюю надежду, что была достойной ученицей, поскольку мне очень понравились те науки, которые здесь получала. Ректор остался доволен, декан искренне мне улыбнулся, ради него я могу поддерживать Институт, поэтому я задумалась над словами мосье Пьера.

Представляю, что теперь многие институтки будут повнимательнее присматриваться к дисциплине целительства, и начинания нашего декана не канут коту под хвост. Тем более, что я была его лучшей ученицей и сама этим горжусь. Жаль, что больше нам не удалось переговорить наедине, но я

обязательно ему передам весточку, как только окажусь дома. Путь предстоял неблизкий, три дня мы ехали по извилистым дорогам, огибая поля и холмы. Останавливались лишь в проверенных гостиницах, когда меняли лошадей. При мне была одна из служанок, поскольку матушка меня не сопровождала, поэтому я не могла спокойно почитать заветный сверток. Элен мне нравилась, надобно будет переговорить с матушкой о ее повышении, может быть, даже заимею новую камеристку. Потому что, во дворце ее жалование будет в два раза больше, да и обязанностей поменьше, поскольку не будет столько недовольных маркиз и герцогинь. Мы даже немного поговорили, так я выяснила, как она оказалась в Институте на службе. Ее отец какой-то там разоренный помещик, а гувернанткой ее нигде не брали, вот и пошла хотя бы служанкой. Элен была не глупа, она рассказала мне, что любит читать, хотя ей удастся выкроить всего часик у сна, а днем она не может этого сделать. Да уж, судьба порой бесчестно поступает с хорошими людьми.

Элен призналась мне, что сама напросилась на столь длительное и утомительное путешествие, поскольку хотела увидеть величественность форта Булонь, таким, как о нем рассказывали. Моя бабушка побеспокоилась, чтобы ее земли оставались независимыми, и возвела целостное каменное сооружение, поговаривали, что оно обошлось ей очень дорого, но чего стоит честь и свобода. Народ Булонии поддержал начинание маркизы, а ее потомки имеют надежное и мощ-

ное укрепление, способное выдержать осаду. Но в нынешнем и спокойном государстве это больше напоминает огромный музей. Я даже не задумывалась, что живу в исторической машине. А вот Элен восхищалась нашим краем, стоило нам пересечь границу Булонии. Все ей нравилось: расположение виноградников, продуманное орошение полей, расположение деревень и прочее. Я чаще зевала, все эти красоты мною уже увидены и не раз. Стоило ли упоминать Элен, что у нас имеется своя обсерватория, потому что моя матушка верит в астрологические предсказания и наблюдает за звездами. Рассказала, и девушка была впечатлена до поворота на главную аллею. Булонь славилась деревнями, а вот город у нас был один – Арно-на-Марэ – столица Булонии. Я всегда считала нас провинциальным государством. Галлатия куда интересней, там много городов и история обширней, но Элен утверждала, что прелесть Булони в ее отдаленности от шумного Ганжана или Коррэ. Я не раз выбиралась в столицу с матушкой, и мне там всегда нравилось больше: выбор развлечений, модных лавок, общественных заведений. Даже королевский сад не обойдешь за один день, а мы лишь маленькое государство.

Нас встретил дворецкий, два лакея уже разгружали мой багаж. Элен надлежало вернуться обратно в Институт, но я вдруг подумала, что она может некоторое время погостить у меня, ректор не откажет принцессе Булонии в столь ничтожной просьбе. Служанка просияла, когда ее попросили следо-

вать в мои покои. А я отправилась на личную аудиенцию к ее Величеству. Королева Пьетра вела свои дела не в официальном тронном зале, а в своем кабинете. Там были атласы, которые в детстве я так любила раскручивать, огромные линейки для измерения расстояний на картах, что висели на стенах, ну и книжные стеллажи с нужными энциклопедиями. Она часто проводила совещания именно здесь. Мне повезло, королева отложила много встреч на завтра, видно, освободила денек для встречи с блудной дочерью. Я вернулась и спокойно вошла в этот облицованный деревом и лаком кабинет, где на выточенном из красного кресле с подбитой мягкой спинкой, восседала утонченная и красивая женщина. Моя мать была еще молода и выглядела прелестно, многим впервые ее увидевшим даже не пришло бы в голову, что она имеет взрослую дочь. Но королеву знали все на свете, как мне казалось, поэтому все знали о моем существовании.

– Присаживайся, дитя, – чинно молвила она, отрываясь от кипы бумаг. Ее утренний наряд из лилового шелка, оттененного дымчатой накидкой из органзы, как нельзя лучше подчеркивая тонкий стан и белую кожу. Моя мать не любила солнца и всячески избегала прогулок без зонтика, поэтому так долго сохраняла свою молодость. А еще она умывалась ледяной водой и завивала волосы на пиве. Ее роскошные локоны обрамляли плечи и шею, она не стала скреплять их в тугую и высокую прическу, поскольку из-за этого испытывала головные боли. Женщины в Булонии переняли моду ко-

ролевы и ходили с приспущенными волосами, а я приехала с высокой прической, поскольку два года пробыла в Галлатии.

– Ты даже немного повзрослела, – задумчиво молвила королева, я в ответ кивнула. Знала бы моя матушка, что очень и очень повзрослела, и хочу ненадолго выпорхнуть из родового гнезда, она бы начала переубеждать меня в обратном. Но она пока ничего не знала и не догадывалась. – Ну, раз уж мы встретились, предлагаю сегодня устроить маленький семейный пир, – деловито дополнила королева.

– И насколько он будет семейным? – не хотелось бы видеть всех своих дальних и близких родственников, их у нас много, даже слишком. Я бы половину вычеркнула из карточки, но Пьетра была слишком щепетильна в родственных отношениях.

– Не переживай, мы не успеем пригласить всю родню, для этого надобно недели две, не менее, так что будем ужинать в тесном семейном кругу, ну может мосье Люпена пригласим.

Это был троюродный дядюшка моего отца, и он жил рядышком. Против такого тесного круга мне возразить было нечего, поэтому я согласилась и отправилась к себе. Ужасно хотелось принять водные процедуры и немного поспать, гостиницы и длительная поездка не добавляли отдыха, а мне предстоял тяжелый разговор с родными. Мосье Люпен меня может поддержать, отец не будет вмешиваться, а вот влияние матушки куда сложнее сломить. Элен уже поджидала меня, она была в восторге от всего увиденного, и от моей класс-

ной комнаты, детской и нынешней спальни. Пока я разговаривала с матушкой, эта пряткая девица провела осмотр. И выглядела, будто ей только что передали торт и сказали его весь съесть.

– Вы обитаете в таком чудесном доме, госпожа. Это предел мечтаний многих девушек, что учились подле вас, я сама в неопишемом восторге.

– Это тебе просто впервые довелось увидеть подобное великолепие, но ты не видела монаршего дворца в Ганжане и остальных дворцов в больших городах Галлатии. Там бы ты была в не меньшем восторге.

– Поговаривают, что нынешний дворец выполнен в восточном стиле и напоминает хоромы короля востока Ильсуфа Хонрийского за которым замужем принцесса Франсуаза.

– Наверное, мой дядюшка не раз навещал зятя, может и себе решил устроить подобное великолепие.

– А правду говорят, что она не единственная жена, а только вторая или третья?

– Кажется так, сама я толком не знаю всех тонкостей.

– Наверное ей очень обидно делить супруга еще с кем-то, а ведь старшие жены на востоке, имеют больше прав, нежели младшие. Ей, бедняжке, приходится несладко, – Элен казалась опечаленной, а мне невдомек стало, что с ней происходит.

– Но даже так она наделена богатством и влиянием, ко-

торое и не снилось многим женщинам, – я ответила ее же словами, и больше разговаривать не хотелось. Услужливая Элен помогла мне раздеться, провела до ванной комнатки, где поливала теплой водой и втирала различные ароматические масла, чтобы кожа моя была шелковистой и ароматной. Пока я нежилась в ванне, мой ум энергично работал в это время, как мне все доходчиво объяснить матери? Королева Пьетра хоть и почитает свободулюбие, но отдавать дочь на какую-то там практику не захочет, да и король Луи-Филлипо может не прийти от этого восторг, они ведь часто переписываются. Уф, забыла написать дядюшке по поводу посещения Фредерикко, бедняга, наверное, выглядывает моего почтового голубя, небось все глаза просмотрел, даже стало его как-то по-сестрински жаль.

– Элен принеси мне после купаний чернильницу, перо и небольшой лоскуток бумаги и прикажи лакею подать голубя, хочу отписаться дядюшке.

– Вы лично списываетесь с монархом? Удивительно!

– Но я же должна написать ему о том, как его сын ухаживал за мной на балу, иначе нашему принцу придется долго оправдываться, что он не прогулял это мероприятие.

– Кронпринц очень подходит вам, вы такая милая и красивая пара.

– Что?! – я была предельно возмущена, стоило приструнить эту служанку, пока она не начала болтать о нашем с Фредди танце без умолку. Как-то ей многовато позволено

комментировать, вышколенная прислуга матери побоялась бы заикнуться об этом, рановато я пожалела бедную бесприданницу.

– А разве он не ваш жених? – испуганно начала оправдываться Элен, даже отступила на пару шагов, пока я недовольно корчила носик, потом выдохнула и произнесла спокойней:

– Нет, мы с ним не обещаны друг другу, – а про себя добавила: «пусть так остается и впредь», служанка выглядела озадаченной и начала заново извиняться.

Я быстро черкнула королю о том, каким же галантным кавалером был мой кузен и что уделял мне много внимания, за что я ему благодарна и передаю сердечный привет. Нет, пожалуй, обойдемся обычным приветом, дружеским. Пришлось переписать послание. Потом отписалась мосье Бенедикту Гранжалье, что я ему за все благодарна и постараюсь следовать его советам. Остальным я не хотела отписываться сегодня, я так устала в дороге, чтобы тратить драгоценные минуты на пустую переписку. Два голубя были отпущены, а я улеглась отдыхать, попросив Элен меня покинуть, девушка поклонилась в легком реверансе и покинула меня. Я же канула в спокойный сон, который предвещал мне только умиротворение. Поэтому не заметила, как прошло время, много времени. Меня разбудил внезапный стук в дверь, служанка матери напомнила о предстоящем ужине.

Надобно было срочно собираться, пришлось призвать

трех девиц, среди которых затесалась и Элен, и они быстро приводили заспанную принцессу в легкокрылую ласточку, потому что, я не могу показаться родителям на глаза запухшей, словно меня только-только подняли. Выскочила из своих покоев за пять минут до начала ужина. Бежала по лестнице, боясь опоздать. Все, как в детстве, мне не раз приходилось вот так нестись на всех парах, опасаясь врезаться в кого-то из лакеев с подносом, но к двери столовой подошла вовремя.

Матушка, отец и дядюшка Люпен уже сидели за столом. Все они рады были меня видеть, королева отметила, что мой наряд прекрасен, но неидеален, поскольку я опять бежала и растрепала прическу. Сколько бы мне не исполнилось, она всегда будет видеть во мне маленькую девочку, поэтому надобно поскорее искать свободы, самостоятельная практика должна доказать мне и ей, что я уже достаточно взрослая. Но еще не пришла та минута, когда я смогу легко об этом заговорить. Мосье Люпен был, как всегда, искренне любезен, расспросил, чему же меня научили в Институте, какими дисциплинами я усиленно занималась? К его немалому удивлению, я сказала, что мне очень понравилось целительство, которое шло обязательной наукой для высокородных девушек. Мать недовольно фыркнула, но потом я сказала, что нам преподавали много разных наук, прежде всего этикет.

– Мадам Буфало – лучший знаток этикета, как жаль, что

ты постоянно срывала ее уроки, но думаю, ей удалось хоть немного научить тебя изысканности.

– Хоть немного удалось, – ответила я, но потом снова перевела разговор в русло врачевательства, хвастаясь тем, что достигла немалых высот и была лучшей. Мосье Люпен благожелательно улыбался, а вот матушка выглядела не очень довольной, но открыто не порицала политику господина декана. Она знала его, поскольку сама училась некогда в Институте для благородных леди, но видно предпочла целительству изысканную магию.

– Думаю, что-то из тебя действительно выйдет, – ответил родственник отца, – мало кто из девушек идет на такой смелый и рискованный шаг. Многие предпочитают точным наукам бесполезные балы и сплетни.

– У нас там было предостаточно балов и сплетен, но мы же не просто так были отправлены получать знания, вот я и старалась быть лучшей, правда, не все дисциплины давались мне одинаково легко, но в тех, где я хотела, я заработала лучший балл.

– Молодец, – ответил мне дядюшка, отец был как всегда немногословен, и я решила, что пора бы им преподнести вторую часть «десерта». При этом я посматривала на матушку.

– Итак, я, будучи в статусе выпускницы элитного заведения, оказалась на перепутье, – родители удивились такому витиеватому вступлению, но я продолжала, – либо мне стать обычной пустоголовой девицей и тратить жизнь в поисках

пустячных развлечений, либо последовать за мечтой и новым увлечением – целительством. А посему, я решила, и мне в том помогли, что хочу пройти практику и достичь определенных успехов, а потом определиться со своими врожденными и приобретенными задатками, развить их как можно лучше. Я знаю, что вначале вы можете отнестись к этому, как к неблагодарному делу, но поверьте, это принесет пользу не только мне, но и определенные выгоды вам, потому что я так могу заниматься благотворительностью, над которой, матушка, вы так радуете. Что может быть лучше, чем представлять дочь, которая ухаживает за бедными и обездоленными? Но не спешите протестовать, я ведь не собираюсь отправиться в какую-нибудь больницу, нет, мне предложили попрактиковаться в тихом и уединенном местечке, где я лучше изучу анатомию человека и приобщусь к ботанике. Мои таланты нельзя попусту зарывать, тем более, что я поеду в столицу Ганжан, в отделение местной полиции и мне решительно ничего не будет угрожать, – даже облегченно выдохнула, эта речь отняла у меня много сил.

Мать и отец пока что ничего не говорили, мосье Люпен тоже не спешил поздравлять меня или же отговаривать. Я с тревогой ждала реакции королевы, именно от ее решения зависела моя дальнейшая судьба. Королева Пьетра не могла долго безмолвствовать, все же она высказалась:

– Франка, но разве подобает принцессе отправляться на черновые работы, другое дело, ты бы освоила изысканное ру-

коделие и помогала нам с корзинками, но отправится в столицу, в какое-то там отделение городской полиции и стать непонятно кем...

– Практикантом, матушка, я буду там практиковаться целительству.

– Но целительство – это не женское занятие, даже неблагородные девицы подобной ерундой не занимаются, если не вынуждены идти работать, а ты – принцесса Булонье.

– Принцесса, у которой есть определенные способности, почему бы не употребить их на практике? Даже в святых письменах упоминается, что монархи переодевались бедными путешественниками и излечивали бедняков, а чем я хуже?

– Это было давно, и кто знает насколько достоверно. Франка, ты даже представить себе не можешь, как это опасно, а вдруг с тобой что-нибудь случится!

Но я была непреклонна, отец знал, как бесполезно со мной спорить, если я уже что-то решила. Этим мы были похожи с матерью, оставалось убедить только ее. Если честно, до этого, королева Пьетра не склонна была мне что-то запрещать, но мое решение ее напугало, и надобно было успокоить бдительность матери. Она боялась понапрасну.

– Доченька, и, в конце концов, это же не престижно, представь, что скажет твой дядя, узнав, чем занимается его племянница? Получится определенно неприятный разговор с ним.

– Но если я не буду называться настоящим именем, тогда король ничего не узнает, а я спокойно пройду практику, получу необходимые знания и буду применять их уже здесь, в Булонии, под твоим чутким присмотром.

Кажется, потихоньку удавалось приспать ее обеспокоенность, хотя мать недоверчиво на меня поглядывала. Тем более, что меня не убедил даже скандал с дядей, потому что сама своевольная сестра не всегда прислушивалась к венценосному брату, и замуж вышла по любви, обойдя всех предложенных им кандидатом. Я тоже хочу быть такой же независимой, поэтому я начала давить на это чувство, что родило нас:

– Матушка, меньше всего я хочу пустячно провести жизнь. Тем более, что практика ни к чему не обязывает, мне вряд ли придется вручать кому-то бинты или мазь, я могу только читать архивы и так раззнакомливаться с болезнями. Декан Гранжалье не предложил бы мне такую практику, если бы не был уверен в том, что она мне не подойдет. Я уверена в его решении так же, если бы оно исходило от вас, милая матушка.

Королева еще больше заколебалась, ей польстило мое сравнение в ее пользу, теперь она обратилась за поддержкой к своему супругу. Но мой отец лишь развел руками, потому что он не имел столько власти надо мной и, вообще, это был тихий и спокойный человек, привыкший подчиняться моей матери, которая была словно ураган в нашей семье.

– Ты думаешь, милый, с нашей дочерью ничего плохого не случится?

– Я не думаю, что декан престижного девичьего заведения, мог посоветовать ей что-то плохое, возможно, некоторая практика будет полезна. Во-первых, она увидит жизнь в других оттенках, что, несомненно, может пойти молодой девице на пользу. Я так понимаю, что ее отведут в архив, где она будет, словно в библиотеке, да и расположен он в здании полиции, а это убережет нашу дочь от некоторого риска. Вот только где она поселится?

– Папочка, я уже все продумала. На первое время сниму небольшой особняк, найму прислугу, а с собой возьму слуганок, они точно уберегут мою честь. Пока я добиралась домой, то подумала, что не стоит мне афишировать свою принадлежность к монаршей семье. К примеру, никто не будет интересоваться какой-то там Франкой Билль. А вам останется лишь сохранить втайне от короля то, что я несколько месяцев проживу в столице.

Родители переглянулись, пока что они воздерживались от окончательного решения. Матушка и отец дали понять мне, что последнее решение скажут только завтра, а сейчас им надобно насладиться обществом друг друга, поскольку мы давно не виделись. С таким я еще могла согласиться, но мосье Люпен все равно тихонько меня поздравил.

– В вашей семье женщины рождены для того, чтобы добиваться чего-то самостоятельно. Твой отец не в пример те-

бе, моя дорогая Франка, он слишком зависим от решений королевы. Но Карл всегда был именно таким, а вот Пьетра иная. Только прошу, когда захочешь очень быстро принять какое-то решение, ущипни себя и переспи с этим решением ночь, потому что, Ганжан таит в себе много разных опасностей для молодой аристократки.

Я поблагодарила своего родственника за совет, ощущая поддержку, пусть и слишком слабую. Мосье Люпен любил природу и часто изучал редких насекомых, поэтому ему особо было интересно, чему же нас обучали на уроках целительства. Я рассказала о своем подвиге, когда спасла крысу. Троюродного дядюшку это впечатлило, особенно мой рассказ о том, что я правильно определила ее заболевание.

– Булон-трава очень опасна, я рад, что вас обучили готовить противоядие. На наших болотах ее растет множество видов и цветет она красиво, многие в давние времена путали ее с благородными цветами и так умирали. В столице Ганжан ядов, всяких выдержек из трав и грибов множество. Я бы рекомендовал тебе подробнее о них осведомиться, прежде чем приступишь к практике. Хороший целитель на службе городской полиции высоко ценится.

– С чего вы взяли, мосье Люпен, что я буду задействована в расследованиях?

– Да потому что, в архивах ты покопаешь день-второй, а потом захочешь увидеть настоящую работу целителей, они ведь определяют причину смерти и много участвуют в

расследованиях, особенно, когда дело касается отравлений. Как-то мне нечасто приходилось ездить в столицу, я ведь не так знатен и богат, как твоя матушка, а посему я снимал особняки подешевле. И слышал не раз, что по городу разгуливает опытный убийца-отравитель, которого не поймали за столько лет. И вряд ли любопытная провинциальная девица удержится от того, чтобы ознакомиться с его жертвами.

Я с затаенным удовольствием слушала мосье Люпена, он прекрасно осознавал, что мне станут интересны все аспекты жизни столицы и чем дышат настоящие целители. В тот же вечер я пересмотрела всю литературу, которую привезла с собой, книги по большей части касались растений и анатомии животных, но некоторые упоминания о ядах были. Я сделала первые выписки, а потом ознакомилась с «булонной лихорадкой» и записала свои наблюдения состав противоядия. Даже засыпая, я держала книгу подле себя, в мыслях находясь там, в круговороте жизни. Элен зашла пожелать мне спокойной ночи и поинтересовалась, как долго ей разрешено гостить в этом доме. Хоть девица и вызывала во мне возражения вначале, но теперь я поняла, что она может послужить мне верой и правдой в столице. Эта девушка была в меру любопытна и не боялась говорить о собственных выводах, а еще она не станет докладывать моей матушке о том, чем занимается ее дочь.

А еще я, наконец, прочла листовку, в ней не было полностью написано мое имя и королевская фамилия, там просто

указывалось, что некая госпожа Ф.Б. направляется на практику в городское отделение внутренней полиции, такого-то участка и что должна пробыть там не меньше трех месяцев. Для неискушенной девицы, вроде меня, это время казалось достаточным, чтобы много чему научиться и избежать встреч с родственниками. Вряд ли король или кто-то из его свиты, появятся в отделении полиции самолично. Обычно они вызывают сыщиков к себе, к тому же, только начальников, так что, моему разоблачению ничего не угрожает. И теперь дожидалась утра с утроенным волнением, главное, чтобы родители меня поддержали, иначе тайно сбегать из дому не надлежит настоящей принцессе.

Я проснулась с восходом солнца, чтобы уже к завтраку быть основательно подготовленной. Пересмотрела все книги и наряды, у меня не было подходящей одежды для обычной практикантки. Намеревалась вызвать к себе портниху, чтобы она пошила мне два-три неброских платья, остальное докуплю в столице. Книгу взяла только одну, остальные были общеобразовательные и мне совершенно не понадобятся. В прошлом, никогда не интересовалась родовой библиотекой и общественной библиотекой Булонии, которая располагалась в здании обсерватории. Мне не терпелось выяснить как можно больше фактов, чтобы потом, заручившись знаниями, не слыть глупой девицей. К завтраку уже спустилась, имея при себе целый список заданий на день. Матушка внимательно на меня взглянула и прочла по лицу нечто такое, что ей не

очень понравилось. Я излучала уверенность, и уже далеко была от родного дома. Отец лишь мельком перевел взгляд от одной на вторую и тихонько вздохнул, пришло время серьезных разговоров:

– Ты действительно так хочешь побывать на практике? – задал он довольно практичный вопрос, другого я от отца не ожидала, это матушка могла часами рассуждать о долге и чести.

– Да, отец, мне очень бы хотелось увидеть своими глазами иную жизнь, отличную от нашей. Я думаю, это пойдет мне на пользу, поскольку однажды придется самостоятельно принимать решения относительно целого государства.

– Мы с твоей матушкой посоветовались, королева Пьетра не против тебя отпустить на несколько месяцев, но к празднику святого покровителя Феодора Тарийского ты должна быть дома, поскольку в этот день традиционно мы пригласим многих родственников.

– Хорошо, мне этого времени хватит с лихвой, – обрадовалась я и не сдержала своих эмоций. Выскочив из-за стола, я подбежала к ее Величеству и обняла ее, как делала это в детстве. Королева меня не отстранила, хотя указала на то, что я не выказываю должных манер, но, в принципе, ей нравилось то, что ее дочь по-настоящему любит и благодарна.

В этот день, я хотела петь и танцевать, порхала по провинциальному городку, заказывая новые платья, собирая нужную информацию. Элен была со мной, она снова восторга-

лась красотами Булонии, особенно ее впечатлила обсерватория. Я тоже была впечатлена, но только на иной манер. Я забежала к мосье Люпену, и рассказала ему хорошую новость, он меня поздравил и предостерег, как делал накануне. Я его благодарила, это путешествие должно было стать самым значительным событием в моей жизни. Я побываю в столице, я попробую свои силы там, где имею знания. Но для этого надобно много изучать. Впервые учеба мне стала так дорога, я даже с теплотой вспоминала вечно недовольную мадам Буфало, что ж теперь и ее наука мне пригодиться, посмотрим, насколько она выучила меня.

ГЛАВА 2. Нет, это дело не об «Отравителе», а о чертополохе

Как-то моего вдохновения и окрыления хватило всего на половину пути к столице. Все же я сделала огромный крюк, возвращаясь домой из «Института благородных девиц», и теперь снова проведу три дня в пути. Если бы я выехала из своего учебного заведения утром, то к вечеру прибыла бы в Ганжан, а так трясусь в неудобной карете, пусть она и обита замшей, но не такая просторная и качественная, на которой я возвращалась домой. А все ради конспирации; нанятый мной извозчик забрал меня в Арно-на-Марэ и вез в столицу Галлатии. Кроме него был еще мальчишка, который скреплял мой багаж и исполнял роль грума. Я скромно со-

брала всего три чемодана, а моя служанка обошлась всего одним. Голубем отправила письмо ректору, что забираю Элен себе в услужение, а с этой болтливой девицы взяла честнейшее слово и страшную клятву, что она не проболтается кто я такая, и будет называть меня мадмуазель Билль. И теперь мы вновь и вновь практиковали заученную фразу, хотя моя новая служанка еще делала промахи.

– Повтори-ка правдивую историю моего происхождения? – уже в который раз потребовала я от нее. Можно было бы обойтись и без этого, но сохранность моего титула – первостепенная задача, мало ли с какими придется иметь дело людьми.

– Младшая дочь среднего сына разорившегося виконта Брю, была отдана благотворительной подпиской в «Институт для благородных леди» и после выпуска обязана пройти практику в столичном участке внутренней полиции. А потом получить рекомендательное письмо для дальнейшей работы целителем. Родные живут далеко, у самых Паланских гор, и к своей дочери навещать не будут, потому что, это непозволительная для них роскошь. Поэтому мадмуазель Билль разрешили взять только одну служанку и кое-какие сбережения матушки, чтобы она могла хоть как-то обустроиться в столице. А я работаю у них бесплатно, и живу вместе с госпожой.

Хм, кажется, история вышла еще и очень грустной, как бы Элен не начали подавать милостыню, когда она вот таким

вот голоском произносит заученные фразы. Но лучше пере-страховаться, чем потом страдать от собственной глупости. Я удовлетворенно кивнула. Вопреки всем матушкиным настояниям, вместо дома я найму квартирку, не думаю, что для нас с Элен надобно много места, да и мне некогда будет про-сиживать в четырех стенах, я хочу взять от практики и сто-лицы все те знания, которые вместятся в мою голову. И это единственное, что придавало мне сил, потому что не могла так долго сидеть на неудобном сиденье, когда тебя подбра-сывает на каждой кочке, единственно мне нравилось то, что платье у меня простое, прическа незамысловатая, но опять же на галлатийский манер, хотя мне казалось практичным носить распущенные кудри, но пока рано бахвалиться булон-скими корнями. Да и в моде распущенные волосы лишь у высочеродной аристократии и не так давно, а для бедняков – глупость несусветная. Но я крепилась из последних сил, ибо не могла проявить слабость перед служанкой, да она ме-ня засмеет, скажет, что ее госпожа – обыкновенная неженка. Нет, не бывать подобному.

– Элен, а у тебя есть знакомые в столице, которые бы зна-ли, что ты прислуживала в Институте для благородных леди?

– Нет, что вы. Мои родные жили неподалеку, в деревушке, а про столицу я только из рассказов слышала, клянусь вам.

– Ладно, я тебе верю, да и не похожа ты на уроженку сто-лицы: мало лоска, не задираешь нос и не блеешь всякую ра-болепную чушь.

– Тогда зачем вы взяли меня с собой, госпожа?

– Ты же видела прислугу моей матери, такие вышколенные и воспитанные слуги не прислуживают бедным. Я бы не смогла так быстро перевоспитать кого-то из них, а тебя и воспитывать не надобно, все твои задатки указывают на то, что ты не умеешь держать язык за зубами.

Элен даже втянула голову в шею, она уже ощущала себя какой-то неправильной служанкой и даже притихла. Кажется, я поставила ее на место, указав на некоторые недостатки ее профессионализма, но видно было, что она совсем не рождена для прислуги: девушка из благородного, но обедневшего рода, волею судьбы отправленная добывать средства для существования, на самом деле была девицей не глупой. Она прекрасно бы вписалась в роль какой-нибудь маркизы, графини или просто леди, если бы на то имела деньги. А так, сейчас она попала в услужение к настоящей принцессе и благодарит за это судьбу, когда бы ей еще удалось увидеть разом Булонию и Ганжан, если не во время поездок со мной.

Последним нашим ночлегом был ново построенный городок Колланж Вилль-Комерсанте, поскольку прежде здесь управляла одна строительная фирма, которая и дала название нынешнему месту. И именно сейчас я могла понаблюдать за повадками столичных приезжих, поскольку их тут было много. Мы остановились в самой простенькой гостинице, опасаясь, что в более дорогих, я нечаянно наткнусь на своих знакомых или знакомых моей матери, и это будет лишним по-

водом для сплетен. Нет-нет, этого я обязана избегать.

Мы вошли в нижний вестибюль, в котором полно было разного народу: господа сидели у камина, пили грог и обсуждали деловые новости, пожилые дамочки примостились на удобных диванчиках, а кто победнее, смиренно ожидал на стульях. Мы с Элен тоже примостились на стульчиках, ожидая, когда консьерж освободиться и предложит нам свободные комнаты. Вообще-то я не привыкла к такому, обычно все уже было заранее договорено и мне лишь вручали ключ, а теперь я лишена статуса принцессы и ожидаю здесь, как обычная провинциальная жительница. А ведь мой живот неодобрительно урчал от голода, а ноги просто онемели в тугих ботинках и хотелось побыстрее прилечь, чтобы передохнуть. Видно, жизнь простого горожанина незавидная.

Моя камеристка не выдержала, Элен более привычна была к таким лишениям, потому она встала и направилась к хозяину заведения и громко потребовала предложить нам комнаты. Сухощавый господин удивился настойчивости бедно одетой служанки, недоверчиво окинул меня взглядом и посоветовал ей дожидаться своей очереди, но моя бойкая сопровождающая намекнула ему, что хоть мы и небогато одеты, но имеет те же права, что и богатые посетительницы, чем вызвала внимание к себе. Мне уже становилось не по себе, я хотела ее окликнуть вначале, но настырность Элен дала преимущество получить комнату быстрее, нежели бы мы ожидали вечно занятого консьержа. Я удовлетворенно взяла из

ее рук свой ключик и даже не преминула поблагодарить, моя служанка улыбнулась. Казалось, что для нее все привычно:

– Вы правы, я слишком невоспитанна для обычной служанки какой-то леди, но для вашего нынешнего статуса вполне сгожусь.

И знаете, с этого момента я начала ее уважать, поскольку она имел какой-то опыт в тех сферах, где мне никогда бывать не приходилось, теперь столица не будет такой пугающей. На следующее утро мы завтракали в общей столовой, и я могла сравнить поведение дамочек напротив нас с приежими господами. Во-первых, в Ганжане говорили без всякого акцента, чуть присвистывая слова, мы попытались повторить это с Элен и чуть не рассмеялись от того, как нелепо у нас получалось, но я опиралась на свои уроки родного языка и многочисленное общение с родовитыми мадемуазелями. Элен тоже много общалась, вращаясь среди знати, так что мы успешно победили свой провинциальный говор (меня выдавал легкий булонский акцент), и готовы были сразить новые вершины:

– Госпожа, вы видите, что они носят не такие длинные и широкие рукава, – заметила служанка, но я была одета очень скромно и нельзя было бежать и заказывать новое платье, обойдемся теми, что я сшила в родной Булонии.

– Мне ни к чему придерживаться моды, Элен, ты разве забыла, что я родом из обедневшей семьи, и может, подобное у нас носят ежедневно при любых обстоятельствах.

– Ах да, я так увлеклась в пансионе следить за модой, прислуживая знатным девушкам, что чуть не позабыла про наш уговор. Но вам все же надобно прикупить пару ленточек, они стоят всего три су, потому что если вы будете ходить под видом голодранки, то вам никогда не доверят важное дело, так и просидите в архивах.

– Откуда ты знаешь, что мне поручат или чего не поручат?

– Так вы же отправляетесь стажироваться целителем при участке местной полиции, а значит, будете присутствовать на опознании тел или выяснении причин смерти, а это уже настоящее расследование, разве вам подобное не интересно?

Хм, уже второй человек намекает мне на расследования, посмотрим, чем занимаются практиканты, но побывать на месте преступления, наверное, увлекательней всяких закрытых архивов. Ладно, ленточки приобрету, даже обедневшей знати порой надобно наряжаться. После завтрака мы проделали уже недолгий путь до столицы, а потом мне следовало отправиться на поиски участка местной полиции, вернее того места, где находился морг или кабинет целителя.

Мы вошли в непримечательное здание, и даже не через парадный вход, поскольку там находился участок внутреннего полка полиции, а черед боковую дверь, куда нам указал пожилой констебль. Я думала, что увижу огромное здание, удлиненное и обставленное стеллажами, но это была непримечательная приемная. Я присела на стульчик для посетителей, рассматривая продолговатые лавы, на одной из них раз-

местилась Элен. Сразу по прибытию, мы умудрились снять номер в неплохой, по меркам столицы, гостинице, пусть я хотела выбрать комнаты на втором этаже, но консьерж предложил, что мне по статусу подойдет четвертый. А потом мы наняли экипаж и отправились по указанному адресу. И вот теперь сижу здесь, в комнатке с закопченной керосиновой лампой, с маленьким окошком, посеребрившим от пыли, а передо мной только дубовый стол и письмо в дрожащих руках. Я не испытывала страха, но какое-то чувство неуверенности все равно присутствовало. К нам долго никто не выходил, хотя я позвонила в колокольчик при входе, моя служанка тоже заметно нервничала, теребя подаренный мною веер, но продолжала улыбаться мне: ей просто не нравилось подобное место.

Наконец из глубины нашей комнатки вышел поседевший, солидный господин. Он открыл в глубине небольшую дверцу и вошел, тяжело отчеканивая каждый шаг. Видно было, что он состоит на службе, поскольку привычки у него были заправского военного. Потом он сел и внимательно меня осмотрел, я протянула документы ему и стала дожидаться ответа. Господин долго жевал губами, читая послание от моего декана, и заметно хмурился. Видно, ему не доставляло удовольствия брать на практику девицу. Я прочла этот недоумевающий взгляд, когда он только меня увидел, но все же, могла потребовать от него право на уважение, согласно моей будущей профессии.

– И чего вас там научили в дамском пансионе? – с едва сдерживаемым презрением осведомился этот человек у меня. – Отчего мы должны принять вас на практику?

– Я была лучшей ученицей по целительству и мой декан – мосье Гранжалье – посоветовал мне попрактиковаться в своих теоретических знаниях именно здесь, у вас ведь престижное учреждение, – на этом слове он поперхнулся и чуть не расхохотался, я видела, как изменилось выражение его глаз, будто ляпнула какую-то глупость. Скажу по правде, мне этот господин совершенно не нравился, какой-то он был однобокий и совершенно не подходил для своей должности, кстати, хотелось бы выяснить, на какой он должности состоит. Но пока я лишь молчаливо дожидалась его вердикта.

– Вот же нынче настырный народ пошел, девиц в полицию отсылают, – отозвался он, справившись со своим приступом веселья. – Отучилась полгода на целителя и уже настырно лезет стажироваться. Да вас наизнанку вывернет, как только вы в смежную комнату войдете.

– Я училась два года, между прочим, в престижном заведении и не вам решать, вывернет ли меня или нет, – возмутилась я, вскочив со стула, но тут ко мне подлетела встревоженная Элен. Кажется, я не могла побороть некоторые повадки своего происхождения, и сейчас могу с треском провалить вступительный экзамен у этого закостенелого человека.

Он лишь досадливо приподнял бровь, а я побагровела от

злости, и какое ему в сущности дело, что я буду делать или чего не буду делать, можно подумать, что практикантам что-то платят. Мне думалось, что они должны быть довольны тем, что им присылают свободные руки для самых черновых работ и нудной волокиты.

– Да уж, и такая горделивая девица решила сюда пойти, да от тебя одни проблемы будут, – спокойно ответил мне этот человек, хотя видно было, что он недоволен. – Езжай обратно в своей пансион, милочка, где и место таким невоспитанным девицам.

Я разобиделась, неужели стоило столько времени потратить лишь для того, что в конце намеченного пути услышать, что я не достойна пойти на практику? На глазах появились слезы, хотелось топнуть и приказать ему немедленно взять меня на службу, но здесь вмешалась услужливая Элен, которая взяла меня за руки и попыталась увести.

– Пойдемте, госпожа, мы придем сюда завтра, а вы успокойтесь и отдохнете с дороги, все равно вас должны взять на практику, мы ведь проделали такой длинный путь от самой... провинции, – она ободряюще мне подмигнула, мы были уже у дверей, когда появился еще один персонаж, и хвала Пресветлой Деве, это была женщина.

– Энгюст, я слышала колокольчик, к нам кто-то пожаловал? – деловито спросила женщина, а потом взглянула на меня и на Элен, мы стояли к ней в пол оборота.

– Да прислали какую-то соплячку из пансиона к нам на

практику, только ж она никуда не годится, да еще и не воспитана, как следует.

– Нам прислали практиканта? – деловито поинтересовалась женщина, а потом снова меня позвала. – Мадемуазель, вы приехали к нам проходить практику целителя?

Я молчаливо кивнула, все еще не могла отойти от обидной реплики этого вояки.

– Ах, как хорошо, а то меня совсем делами завалили. Меня зовут мадемуазель Палэтт, я являюсь государственным служащим – целителем на службе короля, – она поправила себя с улыбкой, – и как целитель, порой определяю причину смерти погибшего, кроме того, изучаю яды, редкие растения и назначения лекарей. Как понимаете, работы невпроворот, поэтому мы рады стажировать новых практикантов, чтобы потом устроить их на службу, если они обладают нужными нам знаниями. А вас направили с...

– С Института для благородных леди, по ходатайству декана Бенедикта Гранжалье, – я вручила этой даме письмо. Она оглянулась назад, видно ей было неприятно, что ее знакомый – некий мосье Энгюст – наблюдает за нами, поэтому мадемуазель Палэтт добавила. – Хорошо, мне такое подойдет, приглашаю вас в мой рабочий кабинет, к сожалению, эту убогую комнатку сложно назвать приемной.

Мы вошли с ней в соседнее помещение и здесь стояли различные склянки, в которых были запечатаны различные травы и даже мелкие насекомые и млекопитающие. Но это

не вызвало во мне отторжения, поскольку ничего предосудительного не было в препараторской при участке городской полиции. К тому же, все аккуратно было подписано, поставлено на застеленные стеллажи, остальное убрано под стеклянные дверцы. Я убедилась в который раз, что лучшего целителя, нежели женщина, нельзя себе представить. Мадемуазель Палэтт была уже не молодой женщиной, примерно лет сорока, может чуточку больше. Она в который раз вчитывалась в простые строки моего рекомендательного письма, и у нее на губах играла затаенная улыбка. Когда я демонстративно кашлянула, она отвлеклась от витиеватых строк и взглянула на меня:

– Скажите, когда мосье Бенедикт направлял вас сюда, он указал, с кем вам придется работать, проще сказать, назвал мое имя.

– Нет, мэм, он просто указал мне ваше заведение и сделал это не совсем официально, поскольку его брат вряд ли бы оценил такой порыв. Но мосье Гранжалье верил в меня и поэтому решил отправить в столицу, иначе бы я к вам не приехала.

– Ах, я и забыла про его брата, он всегда находился под его опекой, – с некоторой досадой молвила мадемуазель Палэтт, – но я рада, что он в вас верит.

Мне стало интересно, казалось, что мой учитель и эта женщина давно знакомы, но более их ничего не связывает, кроме того, что меня сюда отправили неспроста. Элен ждала

за дверью, моя служанка сказала мне, что ей немного жутковато здесь находится, потому что где-то в этих комнатах лежат мертвые тела, забальзамированные, выпотрошенные, но все равно мертвые, а она боится призраков. Я бы пожурила ее за суеверный страх, но решила не навязывать свое виденье мира, мы вправе сами выбирать свою судьбу.

Мы договорились с мадемуазель Палэтт встретиться уже завтра, сегодня мне порекомендовали отдохнуть и освоиться, потому что завтра нас ждет насыщенный и полный приключений день. После ее слов и теплого приема, мне отлегло на сердце, посмотрев мельком на мосье Энгюста, я поняла, что после нашего разговора с ним остался лишь досадный осадок, но не более. Этот человек не заслуживал внимания.

Элен предложила немного прогуляться столицей, изучить мой новый маршрут до невзрачного дома на Коул-рожэ, совершенно не подходящего под название роз. Мне придется ходить пешком, мы не можем каждый раз заказывать экипаж, но моя неутомимая собеседница уверила, что она неусыпно будет следить за моей безопасностью, хотя порой и сама содрогалась, когда рядом мчались экипажи или ругались противные старухи. Мы обе не привыкли к такой суматохе, обитая все время в тихой провинции. Таким Ганжан я еще не видела, и меня все интересовало, вплоть до того, какие здесь магазинчики и кофейни. Мне нравилось наблюдать за жизненной и бурлящей энергией, не представляю,

как могла столько времени прожить в тишине и уединении. Завтра предстоит новое приключение, мне все здесь нравилось. Мы купили у мальчишки газету, я хотела лучше изучить последние сплетни, а кто, как не газетчики, знали, что происходит вокруг. Тем более, что он выкрикивал о новом громком убийстве «Отравителя». Это был загадочный убийца и его жертвы умирали в тяжелых муках, только вот следов яда никто не мог обнаружить.

Служанка вслед за мной прочла статью, когда мы свернули в булочную и заказали там сладких булок, а затем в соседней лавке присели за столики и решили выпить чаю. Я еще оставалась под впечатлением, рассматривая все с интересом, а моя неумная спутница хмурилась, перелистывая тонкую газету. Потом посмотрела на меня и загадочно произнесла:

– Госпожа, вы уж не лезьте в это дело, если местные констебли сбиваются с ног в поисках этого самого Отравителя, то я бы вам рекомендовала о нем даже не упоминать.

– Элен, с чего ты взяла, что меня заинтересовало это громкое дело?

– Да потому что у вас глаза блестели в предвкушении, когда вы читали про не раскрытое убийство, уже которая жертва по счету погибла от его рук. Мне страшно.

– Теперь мы с тобой должны столкнуться с некоторой опасностью, это неизменное обстоятельство всех столичных горожан.

– Но не обязательно с головой соваться в крупные непри-

ятности, госпожа. Давайте сначала привыкнем к этому городу и суматохе.

Я махнула на предостережения Элен и повернулась к проезжей дороге, с любопытством разглядывая проходящих мимо, торопящихся побыстрее отсюда сбежать, жителей. Все они сливались в общую серую массу, но по отдельности каждый отличался принадлежностью к какому-либо классу, манерами и одеждой. Вон идут две вдовушки, а за ними едва поспекает нагруженная двумя корзинами служанка, дамы шагают бодро и что-то громко обсуждают, она же едва тянет свою непосильную ношу. Подле нее как раз машет газетой мальчишка; он перепачкан грязью и газетными чернилами, но радостно пересказывает все вести. Но больше всего по улицам разгуливает мужчин: некоторые идут уверенно, другие торопливо, а кто-то в засученных рукавах, спрятав ладони в карман, прогулочной походкой. Один молодой человек несколько раз прошел мимо нас, пока мы сидели за столиком. И даже находчиво подмигнул моей спутнице, хотя Элен предпочла его внимания не замечать, а я лишь сдержанно улыбнулась ей, она же пыталась свой взгляд спрятать, стесняясь вероятно:

– Он голодранец, госпожа, – молвила она тихо, но я услышала. И больше мучить ее излишними наблюдениями не стала, щадя деликатные чувства Элен.

Пора было возвращаться в гостиницу, мы заплатили за чай и даже дали немного чаевых, но когда покинули свой

уютный столик, то с нами случилась самая нелепая и опасная ситуация, на которую редко бы мы натолкнулись в спокойной провинции. У меня на запястье висел небольшой шелковый кошелек с деньгами, конечно же, я опасалась носить с собой все деньги, остальное было надежно спрятано в одном из чемоданов, а здесь всего-то пять луидоров и десять су мелочью, но даже такая мелкая сумма казалась местным воришкам наживой. Стоило нам покинуть пределы кофейни и пройти два шага, как умелым движением тот нахал, что дерзко подмигивал моей служанке накануне, срезал мой кошелек и бросился наутек. Мы могли разве что испуганно выкрикнуть ему в ответ и прижаться друг к дружке. Мое сердечко учащенно колотилось, хотя успокаивала себя тем, что мы легко отделались, а вот Элен была поражена до глубины души, она-то не знала про деньги и думала, что там все наши сбережения, поэтому в отчаянии воскликнула:

– О великие силы добра, что же мы теперь будем делать без денег в столице!?

В это же момент мимо проходящий молодой человек, резко повернулся к нам и поинтересовался:

– У вас украли деньги, мадемуазель? Сколько там было?

– Пять луидоров, – ответила я, ошарашено смотря в ту сторону, куда скрылся вор. Молодой господин проводил взглядом по верному направлению и бросился за ним. Но тщетно, тот воришка уже, верно, завернул за угол и делит добычу. Это геройство не стоило того, но я не могла пока

что ни к кому обратиться, и вдруг поняла, что кроме денег там находились наши ключи от комнаты, а вот это уже потеря, поскольку придется разбираться с владельцем гостиницы, доказывая, что мы действительно сняли у него комнаты, но позабыли ключи. Кажется, мы так торопились, что забыли назвать свои имена, чтобы он внес их в реестр, а чемоданы-то заперты под ключ, я растерянно посмотрела на Элен, понимая все отчаяние от безысходности. Она меня утешала:

– Ничего, госпожа, вы напишите матери, и она все уладит.

– Только для этого понадобится время, а еще как мы отправим письмо? – я уже представляла всю волокиту, связанную с почтовыми расходами и возможно, наше бесславное возвращение домой, я так и не смогу приступить к практике, это было ужасно.

Но удача нам благоволила, либо же этот молодой человек оказался не так прост, но он вернулся на то место, где нас оставил и где мы пока стояли, как вкопанные, прижавшись разве что к стеночке, потому что толпа нас постоянно толкала и одергивала. И хотя нечистоты уже не выливали из окон, но оставалась вероятность, что нас окатят грязной водой или выбросят что-то на голову. Но мы не могли выйти на середину дороги. Бравый, молодой мосье увидел нас там, где мы стояли, и немедленно подошел. Его шляпа покоилась в руке, а кудрявые волосы потрепались, вероятно, во время погони. Он еще не выровнял дыхание, его глаза блестели, а щеки обрамлял румянец, но он все же вручил мне шелковый коше-

лек. Я трясущимися руками приняла возвращенное имущество и даже поблагодарила, пытаясь достать луидор, но он остановил меня на полпути:

– Мадемуазель, я бы рекомендовал вам в столице поостеречься, так фривольно щеголять с деньгами на улице непозволительно, это в провинции вы можете безопасно и рассеянно размахивать вашими средствами, а в Ганжане надобно быть собранней.

Большого он говорить не стал, откланялся нам и ушел по своим делам, а мы остались. Я немедленно развязала тесемку и увидела, что все деньги и наши ключи на месте, ничего не пропало. Видно, наш спаситель догнал воришку еще до того, как он успел бы вытащить деньги и уничтожить улики. Моей радости не было предела, Элен тоже радовалась:

– Госпожа, он спас наше положение, представьте себе, какие бы нам пришлось пережить унижения, – она говорила серьезно, а я понимала четко каждое ее слово, потому что только что прокрутила картинку бесславного возвращения в родительский замок.

– Нужно поспешить в гостиницу, – молвила я, пряча в складках платья свое имущество.

– Да, я намерена последовать совету того молодого и очаровательного человека.

Признаюсь честно, я не успела, как следует его рассмотреть, а посему и лицо не запомнила. Но глаза мне понравились: большие, карие, горящие азартом, а еще взъерошенные

волосы. Кажется, он носил бородку и усики, но мне могло и показаться.

Мы вернулись в свои комнаты, благодаря Пресветлую Деву о чудеснейшем разрешении нашей проблемы. А потом меня настигла слабость и запоздалое раскаяние. Первый день в столице, а мы чуть не попали впросак из-за нелепого стечения обстоятельств. Что ж, тот молодец, что нас караулил, точно определил, что мы нездешние и посему решил ограбить. А вот наш спаситель был с городом хорошо знаком и потому легко отыскал воришку, но и он мог бы пройти мимо, если бы не причитания моей служанки. Элен тоже отходила от произошедшего, поскольку принялась без всяких рассуждений перебирать свои вещи в сундуке, а я решила вытащить свои ценные вещи и запереть их в тумбочке. Никому нельзя было доверять, столица не приемлет дураков – так однажды выразился мой дядюшка и был абсолютно прав, я это только теперь поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.